

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Олег Петухов

Бьюик полный шлюх

Новеллы

Олег Викторович Петухов

Бьюик полный шлюх. Новеллы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26532157

SelfPub; 2018

Аннотация

Сборник контркультурной прозы: новеллы и рассказы. Может шокировать, но гораздо слабее, чем жизнь. Без чернухи о современности. И да, автор любит своих героев. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Бьюк полный шлюх	4
Нож	20
Голос мёртвой певички	29
Девочка на фоне Стикса	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Бьюк полный шлюх

Я притормозил возле голосовавшей на обочине девушки и опустил стекло. Она была коротко стриженной блондинкой с узким тазом и длинными ногами.

– Поехали! Куда-нибудь... – сказала она с пьяным напускным весельем. В руках она держала алюминиевую банку с газированным коктейлем.

– Садись, – сказал я. – Хуже уже не будет.

Она села, я включил скорость и тронулся. Старенький "бьюик" восемнадцати лет от роду свое дело знал и борозды не портил. После полуночи, когда тебе нехуй делать, приключения постепенно становятся неизбежными.

– Какие у нас планы? – поинтересовался я. – В принципе, мне похуй...

Я не успел договорить, потому что ее прорвало. Она говорила, как бредила, при этом стараясь выглядеть веселой. Она сказала, что сбежала из публичного дома. Она сказала, что ее похитили несколько месяцев назад среди бела дня на улице. Она сказала, что ее насиловали охранники. Она сказала, что пыталась через клиентов, а среди них были и работники правоохранительных органов, типа прокурорских или еще каких подобных гандонов, попросить о помощи. Она рассказала мне, что ее муж отказался от нее и забрал ее ребенка себе.

Она сказала, что у них с ее мужем почти такая же американская машина, как у меня, и это вызывает у нее ностальгию. Она сказала, что сбежала из этого засекреченного ебаного борделя, и теперь свободна и хочет оторваться.

Она улыбалась сквозь слезы, и плакала, смеясь. Нормальная, в общем-то, реакция для сбежавшего из публичного дома человека, думаю. Которого насиловали тупые толстожопые охранники, а он – человек – пытался достучаться до мира. Миру было похую на страдания маленькой бляди, которой и бежать-то было некуда, потому что муж слил ее этому быдляцкому толстожопому миру со всеми ее шлюшкиными потрохами.

Я остановился возле ларька и купил ей еще газированного алкогольного коктейля, а себе светлого пива. Мы пили в машине, и она продолжала рассказывать мне свою историю. Наверно, сегодня был вечер, когда люди делились со мной правдой жизни и своими несчастьями. Я в общем-то не против. И по себе знаю, что какое бы говно ни лилось на меня, жизнь гораздо вонючее. Просто люди не могут рассказать об этом. Или не хотят. Или начинают приукрашивать, чтобы уклониться от объятий и жалости.

Я и ехал-то по этой улице от одного знакомого бармена, скорее, бывшего бармена. Молодой парнишка с рожей, как у французского актера из фильмов 70-х. Он жил с восемнадцатилетней официанткой, которая его и кормила, потому что он заболел какой-то хренью, типа болезни костей. И

эта хрень жрала его скелет. А может быть, он врал и своей официантке, и всем остальным, я не знаю. Барменам верить нельзя. Я привез им с официанткой полный пакет фруктов, которые купил в ближайшем ларьке, торговавшем фруктами и овощами. До Нового года еще три месяца, а дед мороз уже совершает вылазки, ага.

Бармена звали Фил. Он был прирожденный бармен, из тех, кто прекрасно разбирается в механике человеческого общения. Он тут же схватывал все, что люди пытаются донести окружающим, а люди обычно не замечают ничего вокруг себя – новую тряпку из одежды, новую любовницу, новую привычку. Это врожденный дар – видеть характерное, которое показывается. И не замечать слабости и недостатки. Демонстративно не замечать их.

Фил рассказал еще, что срезал родинку на подбородке, когда брился, и от этого у него начался рак кожи. В принципе, это было уже слишком. Пока одна хрень выжидала ему скелет, другая набросилась на его кожу. Лично я не вижу никакого выхода из этой безнадежной ситуации.

Да, Фил был гением общения с малознакомыми, в принципе, людьми. Через пятнадцать минут разговора стало окончательно ясно, что я должен покормить его ужином. Это становилось моим личным долгом и внутренним убеждением. Думаю, еще через пятнадцать минут все камни на земле вопили бы о моей единственной миссии по жизни – не дать ему окончательно разувериться в человечестве, медицине,

мировой экономике и подпольной закулисе. И еще отчетливо проступали нотки спасения всего мира. Я не мог рисковать такими вещами, и поэтому мы поехали по району в место, где когда-то работала его официантка. Работала, естественно, официанткой. Или подрабатывала, чтобы платить за квартиру и содержать умирающего Фила. В этом смысле пакет фруктов от меня был серьезным подспорьем для нее. Жалко, что я поторопился и не принес свои фрукты в палату реанимации, когда Фил уже лежал бы под капельницей и мог бы благодарить только взглядом. Это была бы красивая сцена.

Не знаю, насколько был случаен выбор Фила именно этого заведения. С одной стороны было понятно, что напоследок ему бы хотелось пройтись по местам, где ему было хорошо в обличье живого. С другой, как показал дальнейший ход событий, возможно он одновременно старался показать товар лицом, в роде краткого содержания предыдущих серий в сериалах.

Кафе находилось в каких-то закоулках. Может быть, место и было выбрано с тем расчетом, чтобы я не смог никогда больше найти туда дорогу, не знаю. По виду оно размещалось в здании бывшего КБ или НИИ. Вполне возможно, именно в этих стенах ковался ядерный щит Родины. Иными словами, там было так же неуютно, как в зале ожидания пригородных электричек в каком-нибудь районном центре.

Впрочем, Фил утверждал, что тут готовят охуительные

жареные куриные крылышки. Мы заказали эти крылышки с пивом. Фил рассказывал, что собирается ехать к маме в Питер, где он начинал, как бармен, и даже занял какое-то место в международном конкурсе барменов. «Умирать едет», — вертелось у меня в голове, но я этого почему-то не сказал. Ложный стыд, уёбищные приличия.

Он рассказал, что за квартиру платить нечем уже. Раньше он платил за всех, там, кроме официантки, живет еще один приятель, непонятно на каких основаниях. Есть, собственно, было только то, что приносит официантка с работы. (Я воспринял эту информацию, как завуалированную благодарность за фрукты.) Короче, все отчетливее в жизни Фила и его окружения просматривалась огромная жопа.

И жопа только росла и матерела. Официантку он, оказывается, не любит, а его настоящая любовь послала его нахуй. Вы знаете, это бывает гораздо чаще, чем мы думаем, когда подлинная, истинная, светлая, настоящая любовь посылает нас нахуй. И чем светлее и подлиннее любовь, тем подальше и посильнее она нас шлет. До смешного. Любовь с ангельскими глазками и нежными крылышками, любовь, с бабочкиными ягодицами и лепестковыми пальчиками, ссыт тебе в душу, как будто это дырявая ветошь с помойки. И ангельским глазиком при этом не моргнет. В каком-то смысле толстожопые охранники публичного подпольного дома в районе метро Савеловская были честнее и предсказуемее подлинной любви, засовывая свои хуи во все отверстия бедной

шлюшки, потому что ее подлинная любовь – муж на американской машине – послал ее в хуй, как только она оказалась в жизненной жопе.

И тот же Фил, съедаемый изнутри костяной хренью, а сверху – мерзким раком от сбритой родинки, точно так же использовал свою восемнадцатилетнюю официантку в умственной суходрочке о настоящей, подлинной и истинной любви, как муж похищенной бляди дробил на святость брака и недопустимость блядства. А толстожопые охранники борделя дробили на свое право занимать место «альфа-самца» и ебать запуганных блядей, когда им вздумается. Или, что еще мерзее, в качестве наказания. За непослушание. За взгляд исподлобья.

В кафе ярко светили неоновые лампы «дневного» света. На стене, облицованной мрамором по моде семидесятых в Советском Союзе, висела доска с какими-то фотками и объявлениями. Наверняка раньше на этой же доске вывешивали политинформацию и подобную хрень. Я курил, пил пиво и ел пережаренные куриные крылышки. Их вообще трудно испортить. И слушал рассказы Фила. Которые постепенно стали сводиться к тому, что официантке нет места по жизни нигде, кроме моего дома. Потому что Фил собирается поехать в Питер, где, очевидно, он и помрет, а за квартиру с неким левым чуваком она платить уже не может. Это выглядело вполне логично.

Та девушка, блондинка, похищенная в бордель на Саве-

ловской, говорила без остановки и поглощала один газированный коктейль за другим, вероятно, пытаясь найти в выпивке средство от адреналина в крови. Я давно уже зарекся верить блядам, наркоманам, цыганам и ментам на слово, но ее рассказы были не просто правдоподобны, но вполне реалистичны, как телевизионные репортажи о автомобильных катастрофах. И точно так же, как картинки в телевизоре об оторванных головах и лужах крови на асфальте, они не вызвали жалости, а только как бы удивление, которое, я понимал это, я должен был испытывать.

А на самом деле я не чувствовал ни хуя подобного. Ни жалости, ни сочувствия, ни удивления, ни разочарования, ни негодования – ничего. Потому что все вокруг было еще хуже, чем то, о чем она рассказывала. Потому что толстожопые охранники, засовывавшие свои члены в нее, и бандиты, организовавшие этот «подпольный» элит-бордель, давно уже руководят и распоряжаются по всей стране. Они давно медленно и сладострастно насилуют мою Родину, а я смотрю на все это непотребство привычным замыленным глазом и думаю только о себе.

Впрочем, в жизни по-разному бывает, не мне судить людей, кто я такой? Если Фил хотел сбагрить свою официантку такому мудаку, как я, почему бы и нет? Она могла бы мыть полы и посуду, в принципе, близко к основному делу ее жизни, будем считать, что это дополнительная специализация – убирать в квартире старого мудака. Да-да, в жизни ме-

ня часто одолевают идиотские фантазии, гораздо чаще, чем это может показаться на первый взгляд.

Сидя в своем «бьюике» и слушая пьяненькую блондинистую шлюшку, я отчетливо вижу картину, как в тот секретный бордель приходит новый клиент в роговых очках с обычным портфелем. А в портфельчике том лежит пара «узи». И вместо традиционного душа перед случкой этот дяденька, запершись в публичной ванной, не торопясь раздевается догола, достает из портфеля свои машинки, пристегивает к ним магазины, прикручивает к каждому стволу глушитель, передергивает затворы и выходит из душа, обернутый по бедрам цветастым полотенце, с просветленным лицом, держа в каждой руке по пистолету-пулемету. Звонкая дробь отстрелянных гильз по паркету. Никто не успевает ничего понять. Толстожопые охранники валяются в лужах крови попеременно с блядами с заебанными личиками и невезучими любителями сладострастных утех. Вповалку, попеременно, кого где застала девятимиллиметровая пуля. Кровь и сперма, и купюры. Запах пороха перебивает вонь дешевого дезодоранта и сладковатую гниль смазки дешевых гондонов. После этого дяденька не торопясь идет обратно в ванную, тщательно и весело моется под душем, окутанный клубами пара. Потом вытирается насухо тем же цветастым полотенцем, кладет его в портфель вместе с оружием, одевается, аккуратно надевает роговые очки, включает на полную громкость музыку – что-нибудь пафосно-торжественное, вроде

Вагнера или Нирваны – выходит из борделя и закрывает за собой дверь.

Фил прикончил крылышки и пиво, и мне пришлось заказать ему капучино. Сам я предпочитаю эспрессо покрепче.

– Ты понимаешь, Фил, что мне придется выебать твою подругу, если мы с ней и вообще все вместе захотим ужиться под одной крышей? – вертится у меня на языке вопрос, но я молчу, уже зная ответ: да Филу похуй, у него есть большая, светлая и чистая ЛЮБОВЬ с большой ебаной буквы, которая в свою очередь послала самого Фила нахуй с той же грацией и незамутненностью во взгляде на жизнь, с какой он устраивает сейчас восемнадцатилетнюю девочку в чужом городе левому мужику в кровать. Да мне-то какая разница? Я делал вещи, если разобраться, и похуже.

Вместо этого я говорю ему:

– Ладно.

Я говорю:

– Пусть поживет у меня.

Пристроив свою официанточку, Фил заметно успокоился и внутренне просветлел. Великое дело все-таки – вовремя пристроить тех, кого ебешь без Большой и Светлой. Ведь когда спускаешь без Большой и Светлой, чувствуешь себя использованным презервативом, как чувствовал, вполне возможно, себя Фил, засовывая влюбленной в него девочке во все ее отверстия: она-то получала от жизни все, что хотела, раздвигала ноги и брала в рот от Любимого, а он мучился от

Неразделенной!

Да и-в-рот-его ебать, если Вселенная мирится со всем этим цирком – с пережаренными куриными крылышками, хернею, пожирающей кости живого человека, подпольными борделями с набором дешевых шампуней в ванной, съемными квартирами, заваленными чужим хламом, прокурарами, покупающими похищенных из семьи блядей, бывшими НИИ, наскоро переделанные в азербайджанские караван-сарай, заброшенными кинотеатрами, в которых устраивают ночные клубы, а потом и те исчезают в свою очередь в никуда, с восемнадцатилетними официантками, скитающимися по углам, охувшими от своей биографии преподавателями, торгующими на рынке шмотками, привезенными из Турции, с гондонами, воняющими клубникой, с такими мудаками, как я, – если сама Вселенная допускает все это, я не буду рядиться в белые одежды. Лучше выпить еще пива и поехать покататься по ночному городу, полному блядей, ментов, бомбил и старых одиноких мудаков.

Отъезжая от дома, где жил Фил на квартире, снимаемой официанткой – Фил на прощанье сказал «Чао!», чем только усилил образ актера импортных фильмов семидесятых, – я и увидел эту блондинку, выбежавшую на обочину – своей блядской жизни? – улицы с алюминиевой банкой газированного пойла в руке. «Еще один человек мечется по улицам в поиске Большой Любви», – подумал я. Как оказалось, я был не так уж не прав. Ее муж работал автослесарем и, напив-

шись, пиздил ее в припадках ревности ли, страха ли или отчаяния. А может, ему просто нечем было больше заняться по жизни в свободное от кручения гаек и болтов время. Он ее пиздил, а она его ЛЮБИЛА. И даже, хотя бы на словах, сохраняла верность.

С другой стороны, ее верность могла быть изощренной формой мести: изменив своему мудаку-мужу, она, тем самым, сделала бы его отчасти правым в побоях на почве ревности, а так, оставаясь формально невинной жертвой, она окунала муженька в его собственные говно и блевоту. И вся история с похищением невинной овечки на улице среди белого дня уже тянет на статус греческой трагедии. Был бы у меня драматургический талант, я обязательно написал бы трагическую пьесу. Ну, или стал бы очередным родоначальником Великой Русской Литературы. Это вам не тухлая «Шинель» про страдания унылого офисного планктона в условиях Православной Российской Империи, это вам правда жизни на развалинах Советского Союза: избиваемая, унижаемая, оплевываемая мужем и его родственниками красивая блондинка, приехавшая в ебаную столицу в поисках Большой и Светлой, сохраняет ему верность физически и морально. Физически, правда, только до тех пор, пока ее, как прекрасную Елену, не похищают, чтобы выдать замуж за тысячи прокурорско-бандитских хуев. Но морально она хранит верность супругу, более того, она хранит к нему и свою Любовь, для чистоты отлив ее в золотую статую Хуя Насилу-

ющего и Всесокрушающего. И брошенная мужем и отвергнутая людьми, она решает покончить со всем этим говном и бежит под колеса пятиметрового «бьюика», который оказывается спасательной шлюпкой на водах Стикса. Такая вот заебанная Соня Мармеладова из окрестностей Савеловского вокзала.

Решив устроить Филу прощальный вечер, прощальный если и не совсем уж с жизнью, то хотя бы с нынешней его жизнью в столице, я повез его по ночным улицам, и где-то недалеко от Новослободской Фил, увидев заведение с игровыми автоматами, принялся канючить:

– Иван, дай мне займы сто рублей. Я чувствую, мне сегодня повезет!

– Не, Фил, денег у меня в обрез.

– Ну, дай, ну, пожалуйста! Мне повезет, я знаю. Удача на моей стороне, я чувствую ее запах. А ты там пивка попьешь – бесплатно.

– Ну, ладно, но только сто рублей, – сказал я, решив, что напоследок можно дать насладиться умирающему своими пороками.

Открывается картинка: прокуренный зал, освещенный только мониторами игровых автоматов – никогда не понимал всей этой хуйни с комбинациями значков, по-моему, наебать клиента во всех этих «совпадениях» легче легкого, – я сосу свое халявное пиво, Фил бросает жетон внутрь своей машины удачи, нажимает какую-то кнопку, и автомат из-

вергает фонтан монет, пачек зеленых баксов, пакетики с марихуаной и коксом, брюлики и изумрудные подвески, обручальные кольца катятся, звеня, по полу в рассыпную, золотые «котлы» и кредитные карты валяются кучками тут и там в промежку с длинноногими блядами и бутылками с двадцатилетним солодовым виски.

Короче, через десять минут Фил выпросил еще сотню рублей, и я дал, а потом, через очередную десятиминутку насиливания удачи, я сказал «нет». Наркомана губит передоз. Если слишком долго стимулировать в мозгу центр счастья, нервные клетки отмирают, не выдержав нагрузки, и Вселенная превращается в серо-пепельную пыльную пустыню, глушащую живые голоса и музыку. А скорее всего, я обычный жлоб, вырубавший музыку на детском празднике, когда веселье и танцы в самом разгаре.

Блондинку на обочине звали Света, не знаю, настоящее это имя, или она, как все проститутки, взяла творческий псевдоним. Как-то я однажды уже практически женился на одной из них, думая, что ее зовут Наташа, а оказалось, что в девичестве она Оля. Да мне, в общем-то, похуй. Бог своих знает в лицо. Газированное пойло делало свое дело, и из веселья Светы постепенно уходила соня-мармеладовщина, она нашла по радио какую-то станцию с русской попсой, и судя по всему хотела оторваться и забыться. Или просто оторваться. Или просто забыться от нелегкой своей работы. Я повез ее в ночной клуб, именно тот, где старый мудак с молодой

пьяной блядью не выглядели бы, как нудисты на школьном дворе во время перемены.

Клуб находился в здании, чуть не сказал, заброшенного кинотеатра, куда мы хаживали в кино еще при советской власти. Теперь тут тренировались на местной пьяненькой гопоте начинающие авангардистские ди-джеи. Полутемный воздух, озаряемый вспышками свето-техники, был пропитан запахами пива, доступной ебли, адреналина, сладковатых духов, пота танцоров и сукна биллиардных столов. Музыкальный бит сотрясал грудную клетку, бил в солнечное сплетение и звуковыми волнами проходил по крови.

В баре хозяйничали две девушки-бармена. Это очень сексуально, когда тебе за деньги девушка дает пиво. Сексуально, когда за деньги девушка просто дает. И не сексуально, когда девушка пытается добраться до твоих денег или внимания, или места, где пожить, или получить некий статус по жизни, вроде работы, должности, транспортных услуг, используя свои природные сиськи-письки, но не давая взамен ничего реального, от чего можно было бы кончить и успокоиться. Но пиво за деньги – самое оно. Пиво – реально, как и нежность. Как музыка. Как «прощай» и «здравствуй». Как летняя ночь, присылающая тебе блондинок и умирающих от болезни костей барменов. Это реальность. Это жизнь и смерть, и блюющая в социалистическом туалете ночного клуба блондинка, пока ты пьешь свое пиво, полученное от девиц в баре без дежурной улыбки и прочей хуйни. Они же на работе,

они продают, продают и продают хмель и солод, и алкоголь. Им некогда улыбаться и думать, как они выглядят. Бог и так знает всех нас в лицо.

Я привез шлюшку Свету с голубыми глазами и узкими бедрами к себе домой. Было часа четыре утра или около того. Она разделась и рухнула на кровать, засыпая уже на подходе. Я лег и обнял ее, и почувствовал прохладную нежность ее ягодиц, тонкие косточки плеч, гладкость кожи, усталую тяжесть стройных ног. Она была прекрасна, пьяна и блуждала в спутанном мире своих снов. Я снял с нее трусики, перевернул на спину, раскинул ее ноги и засадил в ее пахнувшее весенним садом лоно свой хуй и почти тут же кончил, изливая в нее свою боль, одиночество, надежду, жажду, свет одним долгим, бесконечным, обильным фонтаном, конвульсивно дергаясь под влиянием далеких и таинственных небесных светил и подземных рек и озер. И почти тут же меня поглотил благословенный сон.

Проснувшись, первое, что я увидел – ее попку, пока она шла в ванну. Я лежал в кровати и курил. Наскоро приняв душ, она вышла, стала в дверях и сказала мне, улыбаясь:

– А ты джентльмен!

– Еще какой... – ответил я. – Иди ко мне.

Она подошла. Я притянул ее к себе. Мой хуй стоял, как одинокий страж у ворот в оазис. Она встала на колени и взяла его в рот. Я не знаю, как она это сделала, но я не мог продержаться дольше минуты и кончил ей в рот, в глотку, на ее

язычок, в ее страстное дыхание, на ее нёбо, отдал ей всего себя и все то, что у меня было и не было.

Шлюхи, прирожденные и вышколенные, именно то, против чего бессильны мудак. И да, я мудак.

Нож

– Что это? – спросила она. Ее карие глаза в полумраке казались черными и огромными. Но они у нее и были огромными. Огромные глаза крупной девочки, сохранившие детскость, на что он в свое время повелся. А время по всему уже вышло.

– Это нож.

Полированная сталь клинка блестела в размытом дождем свете уличных фонарей.

Они сидели в ее французской машине. Ширпотреб с дешевым пластиком, конечно, но зато бесплатный. Она работала представителем какой-то фармацевтической компании с Балкан и машину ей дали для работы. Плюс оплачивали бензин и ремонт. В служебные обязанности у нее входило подкупать ненавязчиво врачей, чтобы те выписывали лекарства именно этой фирмы. Судя по ее рассказам врачи охотно подкупались.

А появилась она снова неожиданно, и он сначала даже не знал, как и реагировать. Возникла из дальних ебеней, в которых скрывалась с полгода или около того, приехала на своем французском автобарахле, с новой работой на то ли сербов, то ли хорватов, и со стороны выглядела уверенной в себе молодой дамочкой, но не для него, нет, он знал, что уверенно-

сти там нет ни грамма, но есть внешность, есть эффект, который она умела производить, когда хотела.

Одно он знал точно, если она появилась в его жизни со всеми своими стасемидесятидвумя сантиметрами роста, значит ей что-то надо от него конкретное. На этот раз задача оказалась несложной, ей нужен был деловой костюм, чтобы у продажных докторов из местных поликлиник просто не оставалось бы выбора, продаваться или нет. Впрочем, их пациенты если и страдали, то только финансово, потому что лекарства были качественными, произведенные по фирменной технологии, а более высокие цены на них легко объяснялись тем, что в цену входила и вот эта вот машина, в которой они сейчас сидели, и ее зарплата, и подарки врачам, и банкеты для них же, в которых, собственно, весь подкуп и состоял. Если не считать ручек с логотипами компании, календариков, пластмассовых будильников и прочего мусора, которым был набит у нее багажник.

Они ходили по торгово-развлекательному центру, оазису капитализма в здании бывшей фабрики, и он терпеливо ждал, пока она меряет очередной костюм или блузку, чтобы потом высказать свое мнение "да" или "нет", а она полностью доверяла его вкусу, и совершенно правильно делала, потому что однажды он решил, что у него абсолютный вкус и чувство стиля и с тех пор больше не ошибался в оценках. А еще он научился терпеливо ждать, пока девушка примеряет одежду и никогда не торопил, поскольку цена ошибки

в этих делах весьма высока, и один неудачный выбор может испортить отношения и вообще поднапрячь на долгие недели, а то и месяцы. Женщины в этих вопросах злопамятны, как кошки.

Она исчезла на несколько месяцев, нет, обошлось без ссор, только иногда он кричал на нее в телефон, увлекаясь праведным гневом – или ревностью? Но что такое праведный гнев, как не ревность. Просто у нее обнаружилась масса дел, полная круглосуточная занятость, и только однажды, под новый год, она заезжала к нему на пару дней, но и повод был благовидный, ей надо было писать диплом, и он написал ей диплом за несколько часов, хотя ничего не смыслил ни в фармацевтике, ни уж тем более в юридических аспектах фармацевтики. Впрочем, интернет и не такие ребусы разгадывает, и он слепил ей текст диплома, который она благополучно и защитила.

А после нового года она исчезла окончательно, только звонила каждый день поздно вечером, как бы проверяя канал связи, на месте ли он, работает ли телефон и может ли она в любой момент появиться на пороге его квартиры с очередной неразрешимой задачей.

Вообще ему как-то пришла в голову мысль, что она не совсем человек, а некое существо, которое живет во времени с противоположным вектором. Мало того, что она не помнила многих вещей, которые не могла не помнить, это еще цветочки, но вот все их отношения развивались ровно наоборот

с его точки зрения, а себе он приписывал не только абсолютный вкус и абсолютное чувство стиля, с чем она безоговорочно соглашалась, но и абсолютный здравый смысл.

А начиналось все с большой и светлой и практически чистой любви, и он даже не верил, что такое бывает. На третий день их знакомства он случайно узнал, что контакт "муж" в ее телефоне это он сам и есть. И они даже слегка повздорили, когда он сказал, что вначале не плохо бы пожениться или что-то такое в этом роде, а она упрекала его в недостатке любви и душевной черствости, что он охотно признавал и спрашивал вполне логично, нужен ли ей такой вот муж, черствый, циничный, к тому же старше ее почти на двадцать лет. Он говорил, что неплохо бы ей узнать его получше, прежде чем идти за него замуж, потому что три дня это не срок, да и три недели, а ей, ему так думалось, и трех месяцев не хватит, с таким-то оптимизмом. Она воспринимала его рассуждения как попытку увильнуть от счастья семейной жизни и сильно расстроилась, но не настолько сильно, как это вошло у нее в обиход позднее.

А потом события пошли в обратном порядке, все чаще она исчезала, вначале на день-два, потом на три-четыре, потом счет пошел на недели и месяцы. Будто бы она пыталась растянуть нить их связи, не решаясь просто ее разорвать, пока не найдет окончательного варианта и не присвоит номеру его телефона имя "муж".

Однажды, еще в самом начале их романа, они сидели в

кафе неподалеку от "Менделеевской". Кафе было полно молодежи, по виду студенты, сидевшими шумными компаниями и тусовавшимися по всему крохотному залу. В очередной раз речь зашла об их женитьбе, хотя он подозревал, что это всего лишь тренировка, и стоит ему сделать ей предложение, как она тут же включит задний ход (это потом полностью подтвердилось, кстати). Он пытался отшутиться, но куда там. Ее лицо окаменело и она почти выбежала из кафе.

Пока он рассчитывался с официанткой, она успела уйти метров на сто, причем шла не к "Менделеевской", а к следующей станции, к "Савеловской".

Он пошел следом и уже почти нагнал ее под акведуком, когда возле нее притормозила девятка. Место там было безлюдное, время не то, чтобы позднее, но людей на улицах уже не было. В Москве в десять часов вечера люди так просто на улицу не выходят.

Из машины вышел чеченец и обратился к нему с каким-то идиотским для Москвы вопросом, поглядывая на нее украдкой. Типа не знает ли он, где тут спорт-бар, в который они едут с друзьями. В девятке их было несколько человек, и остановились, потому что подумали, что она одна. А тут появляется он и явно вопрос был придуман сходу.

Он понятия не имел ни о каких спорт-барах тут, но подробно объяснил дорогу, потом взял ее под руку и они по мосту пошли к Савеловскому вокзалу. Девятка стояла на месте, и он чувствовал взгляды чеченцев, только что упустив-

ших верную добычу.

Ее поиски "мужа" делали ее легкой добычей, сладкой жертвой эгоизма и сластолюбия мужчин, но эгоизм ровно в той же мере двигал и ею, поскольку она искала роль, а не человека, функцию и обстоятельства, а он не соглашался на роль функции и не мог предложить ей те обстоятельства, которые она сочла бы приемлемыми и достаточными. Впрочем, он хорошо знал, что в части обстоятельств она способна на гигантские компромиссы, знал по ее рассказам.

По всему выходило, что решение придется принимать ему, и он принял его как нечто неизбежное и не зависящее ни от чьей воли, а только от подспудных желаний двух эгоистов.

– Это нож, – сказал он. – Тебе он пригодится.

Нож был большой, как у Крокодаила Данди. Самое то для нее. Таким можно отбиться, просто размахивая им, как шашкой.

– Возьми в руки, попробуй. Не слишком тяжелый?

Она неопределенно передернула плечами, но ее тонкая рука крепко держала тяжелую рукоять ножа. Он взял нож из ее рук и положил его в бардачок.

– Зачем он мне? – спросила она, наверно, чтобы не молчать.

– Не знаю, ты едешь на машине, мало ли что. Подбрось меня домой.

Они ехали по ночной Москве, и ему почему-то стало

страшно. По-настоящему. Но ничего уже нельзя было изменить. И он сомневался, что вообще можно было что-то изменить. Перемены – это ветер, откуда приходит, туда и уходит.

По дороге он купил в ларьке пиво. Пиво всегда его успокаивало.

Все уже было сказано. Иногда он думал, что все было сказано задолго до его рождения. Их многочасовые ночные телефонные разговоры уже пересекли орбиту Плутона, распространяясь со скоростью света в космических безднах, и нет такой буквы, о которой кто-нибудь из них сейчас бы пожалел. Многомесячные разговоры сложились в окончательное "нет", как будто он мог надеяться на иной исход.

Все, все ему было известно с самого начала, и то, что он отказывался верить своим собственным словам и выводам, когда-нибудь зачтется ему... Вменится в праведность, на Страшном Суде.

Это была его глупая блажь, последняя встреча, "скажи мне в лицо"... Что он хотел услышать? Что надежда еще есть? Это только продлило бы агонию. Любовь не выживает с искусственным сердцем... И ее слезы сейчас не значат ничего. Она оплакивает свои несбывшиеся надежды, он – свои, и их слезы не смешиваются.

– Перестань плакать, Таня, – сказал он, почти раздраженно. И не удержался:

– Это называется крокодильи слезы.

Слёзы Крокодайла Данди с сиськами.

– У меня есть к тебе определенные чувства...

В чем, в чем, а в этом он не сомневался. Чувство проебанной собственности, чувство утраченного контроля, по-детски чистое чувство эгоизма.

– У тебя есть твое решение. Я его уважаю. Успокойся...

Его спокойствие тоже когда-нибудь вернется, вместе с забвением. Но время мало что значит, если не считать лекарством от сердечной боли более сильную боль от одиночества и отчаяния.

Они остановились напротив его подъезда, где в пустой квартире не было никого, кто мог бы заметить его возвращение или отсутствие. Приходы и уходы. "Благослови, Господи, все наши приходы и уходы, все возвращения и все прощания", – думал он.

Кто-то записал на листе: "Он опять остался один". Это была правда.

– Успокойся, Таня... Просто скажи, зачем ты мне позвонила снова? Чтобы сказать еще раз, что все кончено? Или ты ждешь, что я что-нибудь скажу тебе?

– Я ничего не жду от тебя. И я к тебе не вернусь!

Даже сейчас она не могла удержаться от манипуляций.

– Я и не зову тебя. Потому что это бессмысленно. Ты ко мне не вернешься, я знаю.

– Да!

– Я это знаю давно.

– Я не хочу повторения того, что было! Мне этого не надо!

– Повторения не будет. Все кончилось...

– Отпусти меня!

Как последняя попытка набросить липкую сеть паучихи.

– Я тебя отпускаю, – сказал он, выходя из машины и захлопывая дверцу.

Слова ничего незначат. Слова не значат ничего. В пластмассовом бардачке ее французской "машинки" лежал тяжелый нож из нержавеющей стали. Нож ей теперь нужен, ведь он ушел, и забрал с собой ангела-хранителя.

2009-2017

Голос мёртвой певички

– Я – не такая! Я не из этих... Я тебе не дешевая блядь!

Она распаляется на глазах, хорошея все больше и больше, а он чувствует себя старым и никчемным. "Сполоборота", – приходит ему в голову:

– Да знаю, знаю я, любимая, успокойся.

Но ее уже не остановить. Святая Жанна увидела замок ненавистного короля-предателя и во что бы то ни стало доберется до его рыхлого и дряблого тельца.

– Ты привык иметь дело со шлюхами, думаешь, что и со мной можно так обращаться! – бросает она обвинение с напускным спокойствием Вышинского на политических процессах.

– Нет, что ты, ты – особенная, не как все... – говорит он примиряюще и в то же мгновение понимает, какую ошибку он допустил. Непоправимую. Роковую.

– Что ты хочешь сказать? Что я гоблин?

"Так, перешли к издевкам", – обреченно думает он. И говорит с напускным энтузиазмом, зная, что его ответ, в общем-то абсолютно искренний и правдивый, только раззадорит ее:

– Ты красивая!

– Я тебе не нравлюсь? – в ход идет тяжелая артиллерия.

– Ты мне очень нравишься... – он еле удерживается, чтобы не прижать ладони к сердцу в фальшивом театральном жесте.

– И поэтому ты пришел ко мне без цветов... Даже шоколадку не принес. К своим любовницам наверное с шампанским приходишь, а ко мне можно только себя в подарок принести, да? – она была в том состоянии, когда он не мог понять уже, издевается она, прикалывается или действительно возмущена его гипотетической несправедливостью. Поэтому он однажды решил принимать все три варианта вместе.

– Ну, я... – "боже, как жарко".

– Что? Говори! – она уставилась на него своими глазищами раненной цапли.

– Я спешил... – промямлил он, потя.

– Дешевые отмазки! «Он спешил»... Не смей меня! Тебя не было два дня, и не звонил... Опять с этой овцой встречался?

– Я работал, дел много было, – сказал он, кожей ощущая нелепость подобной отговорки. Дел и правда было много. Последнюю неделю он крутился за троих, а в эти сутки ему удалось вздремнуть от силы полчаса. Но он знал, что для нее его заботы не являются оправданием, поскольку у нее не хватит воображения, чтобы поверить, что есть какой-то там мир, где смешные, нелепые и некрасивые людишки, вроде него, занимаются какими-то непонятными делами. Более того, иногда он думал, что она забывает о нем сразу же, как

только он пропадает из поля ее зрения. Это было очевидно не так, потому что она могла позвонить ему в четыре утра и потребовать, чтобы он забрал ее с другого конца города. Он ехал и забирал.

– Я тоже работаю! И еще я учусь. Я – студентка, ты знаешь? – она перешла на издевательски вежливый тон.

"Может, пронесет?" – подумал он с надеждой.

– Не говори мне ничего о своей работе... – сорвалось у него. Впрочем, особо терять уже было нечего.

– Ты – пошляк! Кретин... – на ее глазах большой неуклюжей и поразительно грациозной птицы навернулись слезы.

Он попытался взять ее за руку, но она небрежным жестом стряхнула его руку, отворачивая лицо, пряча даже не слезы, а только намеки на них, возможность того, что слезы могли бы появиться на свет и единственной их причиной был он, и только он один. Вот из-за таких моментов он и поддерживал весь этот нелепый спектакль, моментов, когда среди грубо размалеванных декораций полусумасшедшие актеры бубнят какую-то унылую ерунду, а у тебя вдруг начинает щемить сердце.

И у него защемило сердце.

– Я, может, сильнее занята, чем ты, – говорит она, вышагивая перед ним, закуривая и нервно затягиваясь сигаретой. Ее жесты угловаты и одновременно пластичны, как танцы жирафов. – У меня тоже было много работы, дохрена много работы! Отстань со своими поцелуями... Тебе бы только о

глупостях думать.

В который уже раз он чувствует себя четырнадцатилетним подростком, который впервые попытался обнять одноклассницу, но та только повела плечами, стряхивая его руку.

– Мне просто нравятся твои пальцы... – он пробует взять ее ладонь, но она отдергивает ее, задирая свой нос классической формы.

– Пальцы как пальцы! Ей ты тоже это говоришь? Ты наверное всем это говоришь. «Пальцы-пальцы»

И все-таки он ее поцеловал, и как всегда неожиданно она ответила на его поцелуй, нежно постанывая.

... Сколько сейчас времени?

Он посмотрел на часы, подумал, и сказал:

– Мне, наверно, пора идти, – на него навалилась усталость, бессонница и нервотрепка последних дней. Последних дней на Земле. Последних дней Земли. Господи, куда же нас несет?

– Позвони мне, как приедешь домой. И завтра звони, но не с утра, к обеду позвони или, лучше, вечером, – она вошла в образ заботливой мамыши. Впрочем, так всегда заканчивались их свидания. Ну, почти всегда. Он потер веки, прогоняя дремоту, встал, осторожно поцеловал ее в щеку и вышел из комнаты.

Спускаясь по лестнице, он закурил. В подъезде воняет старыми газетами и кошками. Он громко и отчетливо говорит: «Мерзкий бордель!»

На улице он вдыхает полной грудью ночной воздух, влажный от дождя и чьих-то слез.

В машине, заведя мотор, он некоторое время смотрит вперед, на капли дождя, стекающие по лобовому стеклу, потом включает радио, и хрипловатый голос мертвой певицы пытается ему что-то втолковать, и на долю секунды ему кажется, что он ее понял.

2008-2017

Девочка на фоне Стикса

– Вы не скажете, как отсюда проехать в Алтуфьево? – девушка шагнула мне навстречу, когда я только подходил к автобусной остановке. Я не сразу сообразил, что ей ответить. Подумал, что она хочет ехать автобусами или на такси через всю Москву от Юго-Запада до Алтуфьева на север.

Наконец, сказал:

– Да тебе лучше на метро доехать. Я тоже к метро еду.

– Нет, я на машине, – сказала она.

– Мне, в принципе, все равно. Могу показать дорогу. У меня есть навигатор в телефоне.

– Садись, – сказала она, и пошла к припаркованному джипу, по внешнему виду весело прожившему свою нелегкую жизнь.

Я пошел следом и только тогда обратил внимание на нее. Высокая, худенькая, стройная. Одна в незнакомом городе на старом джипе, в буквальном смысле этого слова джипе – на капоте большими американскими буквами было написано JEEP, одна из излюбленных марок бандитов девяностых. Простая девчонка. Девочка с прозрачными глазами на штатовском монстре, построенном примерно в год ее рождения.

Было по-летнему жарко, но жарко по-божески, а не как в прошлом году, когда стояла дьявольская жара. Год назад я

тоже был здесь, на этом месте, в ту не от мира сего жару. В жару, убившую моего брата. А сегодня исполнился год, и мы с братишкой стали ровесниками. Мое сердце выдержало испытание пеклом, огнем и жупелом, и раскаленным асфальтом, а его нет. Это нормально. Кого-то из нас выдерживают, а кто-то остается. Смысла в этом нет. А если смысл и есть, не мне его искать.

Я забрался в машину, пристегнулся и включил в наладоннике навигацию. Пока мой телефон-компьютер-навигатор-и-прочая искал в московском небе американские спутники, девушка завела мотор и вопросительно посмотрела на меня.

– Пока едем прямо, – я махнул рукой вперед. – Сейчас определимся и проложим маршрут. Тебе куда там в Алтуфьево надо?

– На Алтуфьевское шоссе, а там я сориентируюсь.

– Ладно. Напишем "Алтуфьевское шоссе, дом 20".

Пока я боролся с программой прокладки маршрута и пытался сообразить, какие виртуальные кнопки на емкостном экране нажимать, чтобы программа схавала введенные мной данные, девочка плавно, но уверенно влилась в поток машин, управляемых московскими хамами, ебанатами и задротами. В большинстве своем водители ездили так, что сразу становилось понятно, что в семье они были единственным ребенком. Из тех самых выблядков, что катаются по полу суча ножками, когда кто-то из взрослых рискнет сказать им "нет" или "подожди", или "сколько можно?".

Мой мега-телефон, наконец, обнаружил спутники-шпионы, ткнул меня носом в карту, показывая наше текущее местоположение с точностью до метра, и заговорил женским сексуальным голосом: "Разворот через двести метров".

На разворот скопилась очередь машин в ожидании разрешающей стрелки светофора.

– Меня зовут Егор, – представился я. – Ты интересно водишь машину.

– А я Оля, – сказала она, не отрываясь от вождения. – Что здесь интересного? Боюсь я в Москве ездить.

– Ты тормозишь левой ногой, это нелегко.

– Я привыкла так. У меня тормоза херовые.

Ее длинные ноги – обе – одновременно лежали на педалях: левая на педали тормоза, правая на педали газа, и она, попеременно двигая ногами, то ускорялась, то замедлялась. Элегантный и необычный стиль для стройной девочки в бандитском джипе.

– Ничего не бойся, – сказал я. – Со мной тебе нечего бояться. Я – бог автомобилей.

Стоп-кадр: Ленинский проспект, очередь машин на разворот в ожидании зеленой стрелки. Летний поминальный день. Девочка с длинными ногами в запыленном джипе везет автомобильного гуру в место, где его никто не ждет, из места, где он поминал ушедших.

Загорелась стрелка, мы повернули в обратную сторону. Оля замешкалась, и я сказал:

– Поезжай, не бойся. Они пропустят.

Главное за рулем – уверенность. Стоит им почувствовать твою слабость, и они набросятся на тебя стаей шакалов.

– Я работаю в автосервисе. И еще я писатель, пишу в блоге, – сказал я. – Мне сорок шесть лет. Говорю, чтобы ты знала. Просто так.

– Тебе не дашь сорока шести.

– Глупости!

– Это не комплимент. Правда, ты выглядишь моложе.

– А ты выглядишь на свои девятнадцать!

– Мне больше. Гораздо больше, – она выделила слово "гораздо".

– Это вряд ли.

– Мне двадцать пять уже.

– Ты замужем? У тебя два кольца на обеих руках, – у нее и вправду было два обручальных по виду кольца на обоих безымянных пальцах обеих рук.

– Практически, да.

– Ладно, это неважно.

Навигатор голосом Анжелины Джоли посоветовал перестроиться вправо перед поворотом на кольцевую. Сексуально поданный совет воспринимается гораздо лучше, чем безразличное информирование. Навигатор тоже пытается тебя соблазнить. Дать мечту. Разогреть воображение. Разжечь пыл. Подсадить на иглу фантазии. И лишить надежды.

– Ты выглядишь на девятнадцать, – сказал я. – Похуй, что

у тебя в паспорте написано.

Стоп-кадр: кольцевая дорога, миллионы машин огибают мегаполис, как воды Стикса, омывающие Ойкумену. И где-то среди них затерялась амазонка на старом американском джипе, вооруженная нежностью и простотой, которые убивают медленней, чем стрела из лука, но безжалостней и неотвратимей.

– Остановись где-нибудь на заправке, – сказал я. – Мне надо пива купить.

– А мне заправиться, – кивнула она.

Было жарко, и стекла в машине были опущены. Движение – "траффик" – позволяло ехать с приличной скоростью. Скоростью, ограниченной отсутствием тормозов у джипа. Чисто русский вариант.

Она подъехала к заправке. Вылезая, я спросил, что ей купить.

– Мне ничего не надо, – ответила она.

Я вошел в магазинчик при заправке. Там работал кондиционер, холодный воздух заставлял понять, как жарко на улице. По-божески, в общем-то. Я взял пару пива себе и пару разных соков с мякотью и изогнутыми соломинками для нее. Самое то, когда пьешь сок за рулем. Охранник косо посмотрел на меня, хотя, думаю, это профессиональная болезнь всех охранников – косо смотреть на что-угодно. Да мне похуй, кто как на кого смотрит.

Я вышел из магазина, залез в ее машину, пристегнулся и

открыл бутылку пива. Оле я дал сок. Она сказала мне "спасибо", завела мотор и тронулась с заправки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.